

The book cover features a surreal, high-contrast illustration. At the top, a golden, honeycomb-like structure drips with a viscous liquid. Below this, a large, detailed eye with a blue iris and yellow, vein-like patterns is shown. The eye's reflection depicts a landscape of jagged, snow-capped mountains. The bottom half of the cover is dominated by these mountain peaks, rendered in shades of blue and white. The author's name is at the top, and the title is at the bottom.

Искандер Арысов

Контролируемая галлюцинация

Искандер Арысов

Контролируемая галлюцинация

<https://litres.ru/74287548>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы никогда не видим мир таким, какой он есть — учил Кант. Пространство, время, причинность — лишь очки, которые нельзя снять. Но что, если кто-то научился менять эти фильтры? Таинственное общество «кантиков» веками использовало передовые достижения наук для управления сознанием, зарабатывая состояния и контролируя реальность. Их «матка» — центр искусственной сети, сплетённой из квантовой запутанности и философских парадоксов.

Игорь Алейников, московский ученый, изучающий пчёл, случайно натывается на следы организации. Его расследование приводит в горы Заилийского Алатау, где он обнаруживает планетарную сеть — Пасеку, связывающую все улы Земли в единое сверхсознание. Пчёлы, существующие миллионы лет, знают секрет гармонии: танец, а не борьба.

Встреча с Всемирной маткой меняет всё. Игорь понимает, что его этика Спинозы не знает оружия против зла, но есть путь — синхронизировать людей в глобальном резонансе, чтобы превратить контроль в единство. Этот роман предупреждение.

Искандер Арысов

Контролируемая галлюцинация

Пролог

Есть истины, которые мы знаем с детства. Небо синее, трава зелёная, яблоко красное, а снег — белый. Мы не сомневаемся в этом, потому что так видим. Потому что так видели наши родители, их родители, все люди на протяжении тысячелетий. Мы уверены, что мир именно таков, каким мы его воспринимаем. И эта уверенность — самая сильная иллюзия из всех, что нам даны.

Но что, если синева неба — всего лишь договорённость нашего мозга с самим собой? Что если зелень травы — это не свойство травы, а свойство нашего зрения? Что если красное яблоко на столе — это не яблоко, а сложная конструкция из отражённых волн, интерпретированных нашим сознанием? Что если мы никогда не видели мир таким, какой он есть на самом деле?

Иммануил Кант, философ из Кёнигсберга, ответил на этот вопрос в XVIII веке: мы никогда не увидим мир «как он есть». Вещи в себе недоступны нашему восприятию. Всё, что мы знаем — лишь явления, пропущенные через априорные формы сознания: пространство, время, причинность.

Мы не снимаем эти очки никогда. Мы даже не знаем, как выглядит мир без них.

Но что, если очки можно настроить? Что, если можно изменить сами фильтры восприятия, заставить других видеть не то, что есть, а то, что удобно? Что, если знание о том, как устроено сознание, становится оружием?

В далёком XVIII веке, почти одновременно с Кантом, возникло тайное общество. Его члены называли себя «кантиками» — не в честь философа, а в честь его открытия. Они поняли: если реальность — это иллюзия, то тот, кто управляет иллюзией, управляет миром. Они изучали физику, химию, биологию, этику, эстетику — всё, что могло дать ключ к управлению сознанием. Они создавали методики воздействия на человека помимо его воли. Они зарабатывали состояния, манипулируя восприятием политиков, учёных, художников, целых народов. Они были невидимыми, потому что их оружием была сама реальность.

Общество росло, пряталось за именами фондов и институтов, пережило революции и войны. Его «матка» — центр управления, хранительница знаний — передавалась от поколения к поколению, меняя тела, но не суть. К XXI веку «кантики» стали почти всемогущи. Они контролировали не явно, а через фильтры — через то, как люди видят мир.

Но всякая система имеет уязвимость. И этой уязвимостью стали пчёлы.

Никто не знает, когда началось это странное родство.

Возможно, миллионы лет назад, когда первые пчелиные ульи возникли на Земле. Пчёлы построили свою цивилизацию не на словах, не на письменности, а на резонансе — на способности синхронизировать состояния миллионов особей в единый организм. Их матка не приказывала — она задавала частоту. И весь улей танцевал под эту музыку. Пчёлы создали планетарную сеть, Пасеку, которая связывала все ульи мира в одно сверхсознание. Они не знали философии, но знали гармонию.

«Кантики» обнаружили эту сеть в 1970-х. Они пытались использовать её для своих целей, но сеть не подчинялась контролю. Пчёлы были слишком древними, слишком цельными, чтобы стать оружием. Тогда «кантики» решили создать свою матку — искусственную, человеческую, которая могла бы направлять энергию сети по их воле.

Они почти преуспели.

Но человек, который должен был стать орудием, стал вопросом. Человек, который должен был подчиниться, начал искать. Человек, который носил очки Канта, открыл для себя Спинозу и научился танцевать.

Это история о том, как иллюзия столкнулась с реальностью. О том, как философия стала оружием, а танец — спасением. О том, как один человек нашёл путь через горы Заилийского Алатау к сердцу всемирного роя и понял, что единственная настоящая вещь — это гармония.

Мир, который мы видим — не мир. Но мы можем на-

учиться видеть дальше. Мы можем научиться танцевать. И тогда очки станут не тюрьмой, а инструментом.

Так началась война за реальность.

Так начался танец.

Москва, 2026 год. Игорь Алейников, аспирант кафедры философии педагогического университета, стоит у окна и смотрит на падающий снег. Он ещё не знает, что белизна снега — это обман. Но он знает, что этот обман не случаен. И он решил разобраться, кто стоит за ним.

Это будет долгий путь. Сквозь архивы и лаборатории, через горы и океаны, к самому сердцу иллюзии. На этом пути он встретит друзей и врагов, познает страх и прозрение, потеряет себя и найдёт заново. Но главное — он научится танцевать.

Потому что танец — это единственное, что реально.

Всё остальное — только контролируемая галлюцинация.

Глава первая. Вещь в себе

Москва, ноябрь 2026 года

Игорь Алейников стоял у окна на третьем этаже старого здания педагогического университета на Малой Пироговской. За окном, в сером московском небе, медленно вращались снежинки — каждая уникальная, каждая подчиняющаяся законам гидродинамики и термодинамики, но Игорь знал, что видит их не такими, какие они есть на самом деле. Он видел их белыми — но снежинки не были белыми. Белый цвет — это всего лишь сумма всех волн видимого спектра,

отражённая от кристаллической решётки льда. Снежинки не имели цвета. Цвет был конструкцией его мозга, эволюционно полезной галлюцинацией, позволяющей отличать спелые фрукты от зелёных, но не имеющей никакого отношения к объективной реальности.

Игорь уже три года работал над своей диссертацией о поведенческих моделях социальных насекомых. Тема казалась далёкой от философии — он изучал пчёл. Но чем глубже он погружался в мир этих удивительных существ, тем отчётливее понимал: человек и пчела — это две версии одного и того же алгоритма, записанного на разных носителях. Пчелиный улей был идеальной моделью человеческого общества, доведённой до логического совершенства. Там не было места рефлексии, сомнениям, экзистенциальным кризисам. Там была только функция.

Игорь перевернул страницу в журнале наблюдений. Два года назад он сделал открытие, которое изменило всё. Изучая пчёл-разведчиц, он заметил странную закономерность: когда колония попадала в стрессовую ситуацию — недостаток корма, угроза улью, — некоторые особи начинали демонстрировать поведение, которое невозможно было объяснить ни одним из известных этологических кодов. Они не передавали информацию о направлении полёта, как это делают нормальные пчелы в своих знаменитых танцах. Они передавали что-то другое. Игорь назвал это «эмоциональным резонансом» — способность пчелы влиять на поведение всей ко-

лонии без передачи конкретной информации, одним лишь изменением своего состояния.

Он тогда не придавал этому значения. Списал на особенности экспериментальной методики. Но через полгода, готовя статью для журнала «Энтомологическое обозрение», он наткнулся на работу Швейцарского университета Цюриха. Там описывался феномен, который швейцарцы называли «акустической синхронизацией». Но это было не то. Это было другое. Игорь понял это, когда прочитал примечание в конце статьи — сноску, адресованную некоему «Фонду Лейбница».

Он тогда ещё не знал, что это за фонд.

В дверь постучали. Игорь не обернулся — он знал, кто это. Только один человек в этом университете мог ходить с такой поступью: лёгкой, почти неслышной, но с едва заметным металлическим призвуком.

— Входи, Аркадий, — сказал Игорь, не оборачиваясь.

Аркадий Белозерский был аспирантом кафедры истории философии. Высокий, худой, с вечно растрёпанными волосами и глазами человека, который видит больше, чем хочет видеть. Он держал в руках потрёпанную книгу в кожаном переплёте.

— Ты на нашёл то, что искал, — сказал Аркадий, бросая книгу на стол.

Это было третье издание «Критики чистого разума» 1910

года. Игорь открыл книгу наугад и провёл пальцем по строке: *«Мы воспринимаем не вещи сами по себе, а лишь явления вещей, которые обусловлены априорными формами нашей чувственности — пространством и временем»*.

— И что? — спросил Игорь. — Это классика. Мы это на первом курсе проходили.

— Ты не понимаешь, — Аркадий подошёл к окну и посмотрел на снег. — Кант объяснил, почему мы не видим мир таким, какой он есть. Это все знают. Но никто не спрашивал себя: а что если это не недостаток, а возможность?

Игорь нахмурился.

— Поясни.

— Мы видим только то, что можем увидеть. Только то, что пропускают фильтры сознания. Но если бы мы могли изменить эти фильтры... подобрать другие «очки»...

— Ты говоришь о расширении восприятия. Это уже делали. ЛСД, псилоцибин, нейроинтерфейсы...

— Нет, — Аркадий покачал головой. — Я говорю не об этом. Ты знаешь, что в 2003 году в одном из институтов РАН проводили закрытый эксперимент? Они пытались создать человека, который видит мир без пространственно-временных ограничений. Кантовский «ноумен», понимаешь? Вещь в себе.

Игорь помолчал. Он знал об этом эксперименте. Знал, потому что его научный руководитель, профессор Громов, был одним из тех, кто подписал протокол о прекращении иссле-

дований. Результаты были классифицированы.

— Что там произошло? — спросил Игорь.

— Никто не знает точно. Я нашёл только косвенные свидетельства. Но в одном из документов, которые удалось достать моему приятелю из архива ФСБ, есть фраза: «Испытуемые наблюдали единую картину мира, лишённую причинности и последовательности. Это привело к деструкции психики». Трое сошли с ума. Четвертый исчез.

— Исчез?

Аркадий усмехнулся.

— Ты никогда не слышал о «кантиках»?

Игорь вздрогнул. Слово было знакомым — оно иногда всплывало в околонаучных кругах, обрастало слухами и легендами. Говорили о таинственном обществе, которое использует философию Канта как инструмент управления реальностью. Игорь всегда считал это бредом, порождённым университетскими байками.

— «Кантики», — повторил он. — Ты серьёзно?

— Я серьёзно, — Аркадий повернулся к нему. — Это не общество. Это корпорация. И они используют все достижения наук — физику, химию, этику, эстетику — для одного: создавать методики воздействия на человека помимо его воли. Ты думаешь, почему последние двадцать лет так стремительно развивается нейромаркетинг? Или поведенческая экономика? Или, ты не согласишься, архитектура открытых пространств?

Игорь сел за стол. Его руки сами собой потянулись к журналу наблюдений. Он вдруг понял, что два года назад, когда описывал «эмоциональный резонанс» у пчёл, он тоже использовал термин, который не мог объяснить. Он тогда написал: *«Наблюдается синхронизация нейронных паттернов, не связанная с передачей информации через известные каналы связи. Предположительно, воздействие осуществляется на уровне квантовых корреляций»*.

Он тогда сам себе не поверил.

— Пчелы, — сказал Игорь. — Они тоже так делают.

— Что?

— Они воздействуют друг на друга без информации. Не передавая конкретных данных. Просто... синхронизируя состояния. Я думал, это какая-то новая форма коммуникации. А теперь ты говоришь, что люди тоже так могут?

Аркадий подошёл к столу и положил руку на книгу.

— «Кантики» научились это делать. Точнее, они используют нечто, что было открыто ещё в XVIII веке, но до конца понято только сейчас. Кант показал, что реальность всегда проходит через фильтр сознания. Но он не уточнил, что этот фильтр можно менять.

Игорь почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Как?

— Для начала — понять, как он устроен. Пространство и время — это априорные формы чувственности. По Канту, они неотъемлемы от человеческого восприятия. Но ней-

робиологи XXI века доказали: эти формы — результат эволюции. Они могут быть другими. У дельфинов, например, пространственное восприятие построено на эхолокации, не на зрении. У летучих мышей — вообще другая временная шкала. А что если изменить априорные формы целенаправленно? Убрать пространство как категорию? Или время?

— Тогда мир превратится в хаос, — сказал Игорь.

— Для обычного человека — да. Но есть люди, которые... тренировались. Десятилетиями. Медитации, психоактивные препараты, нейростимуляция. Они научились видеть мир без фильтров. И они говорят, что там — совсем другая реальность. Без времени, без причинности, без объектов. Только чистый поток.

Игорь смотрел на Аркадия и не узнавал его. Его друг-аспирант, который вчера ещё спорил о гегелевской диалектике, сегодня говорил о том, что звучало как сюжет для дешёвого фантастического романа.

— И при чём здесь пчелы? — спросил Игорь.

— Ты сам сказал: у них есть резонанс. Они могут передавать состояние без информации. А что такое сознание, по Канту? Это тоже фильтр. Что если «кантики» нашли способ использовать этот резонанс у людей? Влиять на чужое восприятие, менять фильтры реальности для другого человека? Ты можешь представить, что такое — если кто-то сможет видеть мир без времени? Или, что ещё страшнее, если кто-то сможет заставить тебя видеть мир так, как выгодно ему?

Игорь молчал. Мысль была чудовищной.

— Это невозможно, — сказал он наконец. — Мы не знаем, как работает сознание настолько, чтобы...

— Мы знаем достаточно, — перебил Аркадий. — Ты просто не в курсе. Эти исследования классифицированы. Но я нашёл кое-что. Помнишь «Фонд Лейбница»?

Игорь кивнул. Он встречал это название в научных публикациях, но всегда думал, что это какой-то частный грантодатель.

— «Фонд Лейбница» — это «кантики». Они финансируют исследования по всему миру. Но не для науки. Для создания инструментов. Контроль над восприятием. Управление реальностью.

Аркадий достал из кармана флешку и положил на стол.

— Здесь документы. Не все. Но достаточно, чтобы понять масштаб. Они собираются не просто влиять на отдельных людей. Они хотят изменить коллективное восприятие. Сделать так, чтобы вся планета видела мир по-другому.

— Зачем?

— Чтобы управлять им. Легче управлять стадом, которое видит только то, что ты ему показываешь. Это не конспирология, Игорь. Это бизнес. Они зарабатывают состояния. Нейромаркетинг, прогнозирование поведения, политические технологии — всё это производные от одной технологии. Воздействие на фильтры сознания.

Игорь посмотрел на флешку. Внутри него боролись два

чувства: профессиональное любопытство и животный страх. Он всегда считал, что философия — это безопасное занятие. Максимум что мог сделать философ — написать ещё одну статью в журнал «Вопросы философии». Но сейчас ему казалось, что он стоит на пороге чего-то, что изменит всё.

— Почему ты рассказываешь мне? — спросил он. — Ты ведь знаешь, что если это правда, то мы уже в опасности.

Аркадий улыбнулся. Улыбка была странной — невесёлой и какой-то обречённой.

— Потому что я ухожу. У меня есть возможность... присоединиться к ним. Я нашёл того, кто может меня ввести. Их «матку». Так они называют главного координатора. Это женщина. Она живёт в Москве. И она хочет встретиться со мной.

Игорь встал. Сердце колотилось где-то в горле.

— Ты с ума сошёл.

— Может быть. Но я должен понять, что это. Если это правда, если они действительно обладают «нечеловеческими знаниями» — я должен увидеть это своими глазами. Как ты думаешь, почему Кант написал «Критику чистого разума»? Он ведь не просто философствовал. Он пытался ограничить возможности разума. Поставить предел. Сказать: «Дальше нельзя, там начинается вещь в себе, которую мы никогда не познаем». Но он не учел одного.

— Чего?

— Что кто-то захочет снять ограничения. Ради власти.

Аркадий взял книгу и направился к двери. На пороге он остановился.

— Через три дня я с ними встречусь. Если я не вернусь... ты знаешь, где искать ответы. Пчелы, Игорь. Ты прав. Пчелы — это модель. Только ты знаешь, как читать эту модель.

Он ушёл, оставив Игоря одного в кабинете. За окном продолжал падать снег. Игорь смотрел на белые хлопья и думал о том, что он видит их не такими, какие они есть. Но теперь это знание казалось ему не облегчением, а проклятием.

Флешка лежала на столе. Игорь медленно протянул к ней руку. Его пальцы дрожали.

«Вещи, которые мы видим, сами по себе не являются тем, что мы видим». Кант был прав. Но что если кто-то научился менять то, что мы видим? Игорь вдруг понял, что его диссертация о пчёлах была не просто академическим упражнением. Она была ключом.

Он вставил флешку в компьютер. Через десять минут он понял, что его жизнь изменилась навсегда.

Через час он знал, что Аркадий не вернётся.

Через день он решил, что должен найти «матку» и уничтожить всё, что она создала.

Игорь закрыл глаза и представил пчелиный улей. Тысячи существ, действующих как единый организм. Но в каждом улье есть слабое место. Есть способ уничтожить колонию изнутри.

Он нашёл этот способ. Он назвал его «методикой беше-

ных пчёл».

Игорь открыл глаза и посмотрел на снег за окном. Снежинки всё так же падали, подчиняясь законам физики. Но Игорь больше не верил в законы физики. Он верил в фильмы. И в то, что их можно сломать.

Он встал и начал собираться. Через час он будет в архиве. Ещё через день — в библиотеке Лейбница в Берлине. А потом — он найдёт её.

Мать всех пчёл.

И она узнает, что означает для улья, когда в нём появляется бешеная особь.

За окном снегопад усилился. Москва готовилась к зиме. Игорь Алейников готовился к войне.

На следующий день Аркадия нашли в его квартире. Он сидел за столом, открыв «Критику чистого разума» на странице 237. Его глаза были широко открыты, но он не видел ни книги, ни комнаты. Он смотрел на что-то другое — то, что находится за пределами пространства и времени.

Врачи сказали: «Острая психическая реакция. Вероятно, передозировка неизвестным психоактивным веществом».

Игорь знал: это было не вещество. Это была вещь в себе. Аркадий увидел то, что не должен был увидеть никто. И его разум не выдержал.

На столе лежала записка. Одно предложение, написанное рукой Аркадия:

«Она — это не человек. Она — это фильтр».

Игорь сжёг записку и вышел из квартиры. На улице его ждал снег и новый мир — мир, в котором реальность была всего лишь контролируемой галлюцинацией.

И он собирался эту галлюцинацию разрушить.

Глава вторая. Очки, которые нельзя снять

Архив ГПНТБ России на Воздвиженке пах так, как должны пахнуть места, где хранятся тайны — старым деревом, бумажной пылью и временем, остановленным в микрофильмах. Игорь сидел в читальном зале с доступом к закрытым фондам уже шестой час. Перед ним лежало четыре тома машинописи — материалы, которые он получил через профессора Громова, использовавшего свои старые связи в РАН.

Документы оказались странными.

Первое, что привлекло его внимание, — это не научная статья и не отчёт о эксперименте. Это был устав. Устав «Общества содействия трансцендентальным исследованиям», основанного в 1795 году в Кёнигсберге. Среди учредителей значился некий «И. Кант» — собственной персоной. Игорь проверил: Кант действительно умер в 1804-м. Выходит, основал общество за девять лет до смерти. Ни в одной биографии об этом не упоминалось.

Второе — в уставе была статья, которая заставила его сердце забиться чаще. Статья 14 гласила: *«Общество ставит своей целью практическую реализацию трансцендентального метода. Априорные формы сознания должны*

быть изучены не как данность, а как объект инженерии. Пространство и время — это очки, которые нельзя снять, но очки можно подобрать».

«Подобрать очки». Игорь сжал ручку так, что хрустнул пластик.

Он начал читать дальше и понял, что общество сохранилось. Оно меняло названия — в XIX веке называлось «Группой Шопенгауэра», в начале XX — «Лейбниц-институтом», после Второй мировой разделилось на ветви, но основная линия ушла в СССР. Здесь, в Москве, документы обрывались на 1956 году. Игорь нашёл последнюю запись: «Эксперимент по коррекции априорных форм. Испытуемый 004. Результат: устойчивое восприятие времени в обратном направлении. Испытуемый помещён в закрытое учреждение. Рекомендовано прекратить исследования». Подпись неразборчива.

Но дальше шло приложение. То, что заставило Игоря вскочить и несколько раз обойти стол.

Это были протоколы экспериментов с пчёлами. 1973 год. Институт биофизики клетки, Пущино. Там описывалось то же самое, что видел Игорь в своём журнале — «эмоциональный резонанс». Но там было больше. Гораздо больше.

«При введении модулированного электромагнитного поля определённой частоты колония демонстрирует синхронизацию нейронных паттернов на расстоянии до 10 метров. Пчёлы-разведчицы способны передавать не информацию, а

состояние. Это состояние воспроизводится всей колонией в течение 15 минут. Предположительно, механизм основан на квантовой запутанности в микротубулах».

Игорь закрыл глаза. Он вспомнил свою диссертацию. Он писал о том же самом, но в более осторожных формулировках. Теперь он знал, что стояло за этим.

«Они не просто изучали пчёл, — понял он. — Они использовали их как модель. Пчелиный улей был прототипом. Прототипом общества, которым можно управлять через резонанс состояний».

Он вернулся в университет уже к вечеру. Ночевать в архиве не разрешалось, и он взял с собой только то, что можно было скопировать — около ста страниц документов, включая устав общества и протоколы экспериментов.

В коридоре кафедры философии было пусто. Только в конце коридора горел свет — в кабинете профессора Громова. Игорь зашёл без стука.

Громов сидел за столом, уткнувшись в монитор. Ему было за шестьдесят, седые волосы аккуратно зачёсаны назад, глаза за толстыми линзами очков (настоящих, не кантовских). Он поднял голову, когда Игорь вошёл.

— Садись, — сказал он без приветствия. — Я знаю, что ты нашёл.

Игорь сел напротив. Между ними лежала стопка бумаг — те самые, из архива.

— Вы знали, — сказал Игорь. Это был не вопрос.

— Догадывался, — ответил Громов. — Когда я подписывал протокол о прекращении экспериментов в 2003-м, я не знал всей правды. Но я знал, что там работает не просто наука. Там работает... другое.

— Что за «другое»?

Громов снял очки и потёр переносицу. Он выглядел уставшим.

— Игорь, ты изучаешь пчёл. Ты знаешь, что такое «роение»?

— Это когда старая матка покидает улей с половиной рабочих, оставляя новую матку и вторую половину.

— Верно. Но у роения есть одна особенность. Пчёлы не знают, куда летят. Они просто следуют за маткой. Но матка не может лететь далеко — она тяжёлая, слабая. Как же они находят новое место?

Игорь пожал плечами:

— Разведчицы. Они находят место, возвращаются, танцуют.

— Танцуют, — кивнул Громов. — Но что происходит, когда разведчицы возвращаются с разными вариантами? Как они выбирают?

— Они танцуют интенсивнее. Лучший вариант получает больше сторонников.

— Не совсем, — Громов перегнулся через стол. — Исследования последних лет показали: выбор происходит не через

передачу информации. Выбор происходит через резонанс. Пчёлы синхронизируются с тем вариантом, который вызывает самый сильный эмоциональный отклик у разведчицы. Они чувствуют страх, уверенность, сомнение — и это передаётся. Информация — это вторично. Первично — состояние.

Игорь замер. Он сам делал это наблюдение.

— Вы говорите о «кантиках», — сказал он.

Громов медленно кивнул.

— Они используют этот принцип на людях. Ты знаешь, как устроено человеческое восприятие? Кант описал это как априорные формы. Но нейробиология показала, что эти формы — результат байесовского механизма. Мозг постоянно строит вероятностные модели мира. Он не видит реальность — он предсказывает её. Каждую секунду мозг выдаёт гипотезу о том, что должно произойти, и только потом сверяет с сенсорными данными.

Игорь знал эту теорию. Но сейчас она звучала по-другому.

— Мы видим 1% реальности, — тихо сказал он. — Остальное — галлюцинация.

— Верно. И Кант назвал это «явлением». Но есть нюанс. Если реальность — это галлюцинация, которую мозг строит на основе предсказаний, то тот, кто может влиять на предсказания — может строить реальность. Не ту, которую мы видим, а ту, в которой мы живём.

Игорь вдруг осознал смысл фразы Аркадия: «Она — это

фильтр».

— Они могут менять априорные формы, — сказал он. — Могут заставить людей видеть мир по-другому. Без времени. Без причинности.

Громов помолчал. Потом достал из стола папку и протянул Игорю.

— Это дневник одного из испытуемых эксперимента 2003 года. Он не сошёл с ума. Он смог адаптироваться. Его звали Андрей Петров. Он был студентом мехмата МГУ, потом перешёл на философский. Его считали гением. Сейчас он работает в структуре, которую мы не можем назвать. Но он написал это.

Игорь открыл папку. Дневник был написан от руки, мелким аккуратным почерком. Первая страница:

«День первый. Мне объяснили, что я должен перестать видеть пространство. Не как метафору — буквально. Они вводят мне препарат и стимулируют зрительные зоны. Это больно. Но я начинаю понимать, что пространство — это просто способ организации данных. Мозг мог бы организовать их иначе. Например, по запахам или по звуковым частотам. Они учат меня новой организации. Мир становится плоским. Нет «близко» и «далеко». Есть только интенсивность сигнала. Я не знаю, сколько это продлится. Но я чувствую, что приближаюсь к чему-то важному».

Игорь перелистнул несколько страниц.

«День двадцать третий. Я вижу мир без причины и след-

ствия. Это страшно. Всё происходит одновременно. События не связаны логикой — они просто есть. Я больше не могу объяснить, почему яблоко упало со стола. Оно упало. И точка. Причинность — это привычка мозга, не более. Её можно отключить. Теперь я понимаю, что Кант был не прав, когда говорил, что причинность — это априорная категория. Она такая же, как пространство и время. Её можно снять.»

Игорь почувствовал тошноту. Он читал слова человека, который разрушал основы своего сознания. Добровольно.

«День пятьдесят седьмой. Я научился переключаться. Когда мне нужно общаться с людьми — я надеваю «очки» пространства и времени. Когда я один — я снимаю их. Мир без фильтров — это бесконечный поток. В нём нет объектов. Есть только волны вероятностей. Я могу видеть человека не как тело, а как распределение вероятностей его существования. Это похоже на квантовую механику. Я начинаю понимать, что все мы — запутанные системы. Мы влияем друг на друга без сигналов. Просто потому, что мы есть».

Последняя запись была другой. Почерк стал торопливым: «Я встретил её. Она не человек. Она — фильтр. Она существует во всех реальностях одновременно. Она сказала мне: «Ты только начал понимать. Есть уровни, на которых нет даже сознания. Есть только чистая структура. Мы строим новую реальность — не для людей, а из людей. Вы —

материал. Пчелы. Мы — улей. И ты станешь его частью». Я согласился. Я не мог не согласиться. Потому что она показала мне мир, который больше, чем мир».

Игорь закрыл папку. Руки дрожали.

— Это безумие, — сказал он. — Их надо остановить.

— Мы не знаем, кто они, — ответил Громов. — Мы знаем только, что их «матка» существует. И она в Москве. Я не знаю, кто она, но знаю, что она может находиться в любом человеке. Как ты себе представляешь, что такое «фильтр»? Это не человек. Это состояние. Она может быть в теле, но само тело — просто носитель. Матка — это функция.

— Как у пчёл, — прошептал Игорь. — Матка — это не конкретная особь. Это функция, которая определяет поведение всей колонии. Если матка умирает, колония гибнет. Но если появляется новая матка...

— ...колония выживает, — закончил Громов. — Ты понимаешь, что это значит? Они бессмертны. Пока существует система, пока есть структура, позволяющая передавать состояние — они будут существовать. Ты не можешь убить идею. Ты не можешь убить фильтр.

— Но можно сломать систему, — сказал Игорь. — В улье есть одна слабость. Бешеные пчёлы.

Громов поднял бровь.

— Ты говоришь о методе, которым можно уничтожить колонию изнутри. Да, я знаю. Это когда одна особь начинает

передавать состояние хаоса. Она нарушает резонанс. Она не подчиняется матке. Но чтобы создать бешеную пчелу, нужно... сломать человека.

— Я знаю, — Игорь встал. — Аркадий уже сломан. Я видел, что с ним сделали. Они не просто изменили его восприятие — они сломали его фильтры навсегда. Теперь он видит вещь в себе постоянно. И это убивает его. Но он — только первый этап. У них есть другие. И если мы не остановим их сейчас, они изменят всю планету.

Он подошёл к окну. Внизу на Малой Пироговской горели фонари, освещая падающий снег. Снежинки казались белыми. Игорь знал, что они не белые. Но сейчас он ненавидел это знание. Он хотел снова видеть мир проще. Но обратного пути не было.

— У меня есть теория, — сказал Игорь, не оборачиваясь. — Пчёлы не просто передают состояние. Они используют квантовую запутанность. Эйнштейн называл это «жутким дальнодействием». Но он ошибался. Это не дальнодействие. Это основа связи. Если две частицы были когда-то связаны, они остаются связанными всегда. Даже на расстоянии. А что, если все люди были когда-то связаны?

Громов медленно встал.

— Игорь, ты говоришь о коллективном бессознательном.

— Нет. Я говорю о квантовом поле. О том, что Кант называл «ноуменом». Что если вещь в себе — это не недоступная реальность, а квантовое поле, в котором мы все запутаны?

Мы не видим его, потому что наши фильтры мешают. Но если снять фильтры, можно увидеть связь. Можно манипулировать ею. Можно влиять на всех сразу.

— Это гипотеза.

— Но она объясняет всё. Почему «кантики» могут управлять людьми без сигналов. Почему они зарабатывают состояния на нейромаркетинге. Почему они влияют на политику и экономику. Они не используют информацию. Они используют запутанность.

Игорь повернулся к профессору.

— Я собираюсь её найти. Матку. Я не знаю, как, но я найду. И когда найду, я использую метод бешеных пчёл.

— Это убьёт тебя, — сказал Громов.

— Возможно. Но если я не сделаю это, они убьют всех. Они создадут мир, где у людей не будет выбора. Где реальность будет определяться фильтром, который они установят. Это будет рай на земле. Но рай с контролируемыми галлюцинациями.

Он подошёл к столу и взял флешку, которую оставил Аркадий.

— Здесь документы. Я должен понять, как они организованы. Их иерархию. Их методы. Я уже знаю, с чего начать.

— С чего?

Игорь улыбнулся. Улыбка была страшной.

— С пчёл. В мире есть только один человек, который знает о пчёлах больше, чем я. Он работает в институте пчело-

водства в Рязани. Его фамилия Левин. Он занимается селекцией агрессивных пород. Бешеных. Я еду к нему завтра.

Громов смотрел на своего ученика и видел в нём что-то новое. Не просто исследователя. Не просто философа. Он видел человека, готового переступить грань.

— Игорь, — сказал профессор тихо. — Помни: очки нельзя снять. Ты рискуешь остаться без глаз.

Игорь кивнул и вышел.

В коридоре было темно. Только свет из кабинета выхватывал его фигуру из полумрака. Он остановился на мгновение и посмотрел на свои руки. Они всё ещё дрожали.

«Кант объяснил, почему мы не видим мир таким, какой он есть», — подумал он. — «Но он не объяснил, что делать, если кто-то увидит. И кто-то захочет этим воспользоваться».

Он сжал кулаки. Дрожь прекратилась.

«Я стану бешеной пчелой. И я сломаю улей».

Через час Игорь сидел в своей квартире на юго-западе Москвы. Перед ним на столе лежала карта города, испещрённая пометками. Он искал закономерности. Офисы «кантиков», места проведения экспериментов, точки сбора. Всё было разбросано хаотично, но Игорь знал: хаос — это иллюзия. За ним всегда стоит порядок. Просто нужны другие фильтры, чтобы его увидеть.

Он закрыл глаза и попытался представить карту не как набор точек, а как поле. Как волновую функцию. Он пытался

снять очки пространства и времени, как учил себя Андрей Петров.

Сначала ничего не получалось. Мир упорно оставался трёхмерным и линейным. Но потом, на грани сна и яви, он почувствовал что-то. Слабое, едва уловимое — словно сеть, соединяющая все точки на карте. Сеть, которая пульсировала. В центре сети было место.

«Золотой остров».

Игорь открыл глаза. Он не знал, что это за место. Но интуиция подсказывала: там находится матка.

Он взял телефон и набрал номер.

— Алло, это институт пчеловодства? Мне нужен Левин. Скажите ему, что я знаю о резонансе. И что я готов стать бешеным.

На другом конце повисла тишина. Потом незнакомый голос ответил:

— Вы Алейников?

— Да.

— Левин ждал вашего звонка. Приезжайте завтра. И возьмите с собой копии документов из архива. Он хочет посмотреть их.

Игорь сбросил вызов и посмотрел на снег за окном. Снегопад продолжался. Теперь Игорь знал, что снежинки не белые. Но он также знал, что это неважно.

Важно было только одно: он нашёл путь к улью.

Осталось только уничтожить матку.

В 2:37 ночи Игорь получил сообщение с неизвестного номера. Текст был коротким:

«Очки нельзя снять. Но их можно разбить. Приходи в Золотой остров через три дня. Мы ждём».

Он не ответил.

Вместо этого он открыл свой журнал наблюдений на странице, где были записаны параметры «эмоционального резонанса», и начал вычислять частоту, на которой колония перестаёт слушаться матку.

Он должен был быть готов.

За окном падал снег. Контролируемая галлюцинация продолжалась. Но скоро — очень скоро — мир должен был измениться.

Или сломаться.

Глава третья. Бешеные пчёлы

Дорога до Рязани заняла три часа. Поезд медленно полз через заснеженные поля, и Игорь смотрел в окно на бесконечную белую пустоту. Он пытался представить, как выглядит этот пейзаж без фильтров — не как плоскость, покрытая снегом, а как квантовое поле вероятностей, где каждая снежинка — не объект, а событие, размазанное по времени и пространству. Не получалось. Очки сидели слишком плотно.

В Рязани его встретил человек в старом тулупе и валенках. Это был Левин — сухой, жилистый старик с глазами навыкате и руками, покрытыми шрамами от пчелиных укусов.

Он не здоровался, только кивнул и молча повёл Игоря к машине — выдавшему виды УАЗу, стоявшему у вокзала.

— Значит, ты тот самый Алейников, — сказал Левин, когда они выехали за город. — Читал твою статью о танцах пчёл. Хорошая. Но ты там одну вещь пропустил.

— Какую?

— Ты описываешь передачу информации через танец. Но забываешь, что танец — это не только информация. Это состояние. Когда пчела танцует, она не просто сообщает координаты. Она передаёт своё возбуждение, свою уверенность, свой страх. Другие пчёлы не просто понимают маршрут — они чувствуют, стоит ли рисковать. И они принимают решение не на основе данных, а на основе резонанса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.